

В. И. ИВАНОВ И А. А. БЛОК: ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ПАРАЛЛЕЛИ

Исследуется развитие творческих отношений между А. А. Блоком и В. И. Ивановым. Показано, что дружеские и восторженные отзывы в начале их знакомства сменяются неприятием и отторжением в конце. В центре полемики – сущность и судьба символизма как художественного течения. Если В. Иванов считал, что символизм должен быть религиозным искусством, то А. Блок полагал, что искусство должно быть свободным от принадлежности к каким-либо религиозным или политическим направлениям.

Ключевые слова: художественное творчество, В. Иванов, А. Блок, русский символизм, эстетика в русской культуре нач. XX в.

Мы продолжаем публикацию текстов, связанных с эстетическими проблемами в России нач. XX в. (см.: [1]). Решению этих проблем способствует разработка понятия «коллективная мечта» [2], столь свойственного в том числе Серебряному веку.

Данная статья будет состоять из трех тем: отношение Иванова к Блоку, отношение Блока к Иванову и изучение современных комментариев к творчеству обоих поэтов.

Иванов всегда любил Блока – и в начале их знакомства, и когда их дружба претерпевала тяжелые испытания. Доказательством может служить поэма «Нежная тайна» (1912), посвященная Блоку и отрываемая такими строками:

Пусть вновь – не друг, о мой любимый!
Но братом буду я тебе
На веки вечные в родимой
Народной мысли и судьбе.

Затем, что оба Соловьевым
Таинственно мы крещены;
Затем, что обручением новым
С Единою обручены [3, с. 10].

Очевидно, что речь идет об общих эстетических предпочтениях младосимволистов.

Впервые о Блоке Иванов высказывается в статье «Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме» [4]. Тогда поэты еще не были лично знакомы. Встретятся они только в 1905 г., и их общение будет складываться то в позитивном, то в негативном тоне, в зависимости от того, каковы внутренние и внешние условия их отношений. Исследователи отмечают, что в 1906–1908 гг. их связывала теплая дружба, в 1910–1911 гг. начались разногласия, хотя сотворчество продолжалось; но уже с 1912 г. они решительно разошлись [5, с. 611].

Итак, статья Иванова получилась теплая, нежная, хотя в письме к В. Брюсову он признавался, что сначала стихи Блока казались ему «деланными и навеянными» (цит. по: [5, с. 611]). Между прочим, с этими словами Иванова можно согласиться. Чего стоят, например, такие строки Блока:

В непрестанной молитве моей,
Под враждующей силой твоей,
Я хранилище мысли моей
Утаю от людей и зверей [6, с. 84].
1 апреля 1901 г.

Иванов в статье о Блоке подчеркивает ту же идею, которая в 1912 г. выскажется им в «Нежной тайне». Идея «Вечной Женственности», заимствованная В. С. Соловьевым у И. Гёте, связывает различные периоды творчества символистов в единый культурный пласт. Но надо помнить, что при всей важности этой темы для Соловьева он относился к ней в том числе юмористически. Так, обращаясь к «морским чертям», он восклицал:

Знай же, вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиной вод. <...>

Гордые черти, вы все же мужчины, –
С женщиной спорить не честь для мужей.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей! [7, с. 121–122].
8–11 апреля 1898 г.

Несмотря на то, что Соловьев часто иронизировал по поводу зарождавшегося в конце XIX в. символизма, сами символисты подняли его идеи, как знамя своего творчества, считая себя его последователями и учениками. Свидетельство этому мы находим в статье Иванова «Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме» [8]: «Владимир Соловьев, этот Doctor Marianus (“Возвеститель почитания Богоматери”. – С. С.) заключительной сцены “Фауста”, пророк “Вечной Женственности”, – первым в русской поэзии начал строить новый Парфенон, Храм Девы» [8, с. 21]. Эта работа философа спаивала, по мнению Иванова, русский символизм в единое целое.

Вместе с тем следует отметить, что в статье [8] содержится и критика отдельных стихотворений Блока; но музыкальность и мелодичность образов

указывают на то, что впереди «мерцает» надежда «великого свершения» [8, с. 22].

Рассмотрим еще один показательный отзыв Иванова о Блоке: «Александр Блок. Ночные часы», впервые вышедшая в Лондоне в 1912 г., т. е. в то время, до которого отношения между поэтами имели форму содружества и сотрудничества, единомыслия и единодействия. Хотя, как указывает Н. Ю. Грякалова, критика творчества Блока Ивановым имела место и в 1908 г., когда последний посоветовал Блоку преодолеть стиль «наших запойных гиков и взвизгов, равно простонародной гармоник, как и пропойно-интеллигентской гитары 40-х годов...» (Иванов о сборнике Блока «Земля в снегу») (цит. по: [5, с. 649]).

Итак, анализируя сборник Блока «Ночные часы», Иванов отмечает «волшебство», «певучесть» этих стихов, музыкальное волнение, словно от звуков скрипки. Критик пишет, что талант Блока – не меньший, чем у К. Бальмонта, но, в отличие от последнего – солнечного, ясного, светлого, – Блок мрачен и темен в своих раздумьях о судьбе России: «Сломаны крылья духа», – замечает Иванов [9, с. 187]. Однако «страстная всепоглощающая религиозная любовь к стране» [9, с. 188] дает надежду на то, что поэтический талант Блока еще сможет расцвести.

Таким образом, можно сказать, что Иванов всегда относился к Блоку с любовью, нежностью, уважением. Он с первых шагов поэта рассмотрел в нем творческий дар, и эту мысль он высказывал всегда, и в последнем стихотворении – стихотворении «Умер Блок»:

В глухой стене проломанная дверь,
И груды развороченных камней,
И брошенный на них железный лом,
И глубина, разверстая за ней,
И белый прах, развеянный кругом, –
Все – голос Бога: «Воскресенью верь» [3, с. 532].
10 августа 1921 г.

О. Дешарт в «Послесловии» к III т. сочинений Иванова указывает, что на обратной стороне листа, где было написано это стихотворение, был набросок обращения к Блоку, в котором Иванов писал:

И друг друга таясь, как врага,
Шли единой стремниной, но были заказаны
Нам обоим святые снега (цит. по: [10, с. 838]).

О. Дешарт справедливо отмечает, что «отношения их (Белого и Иванова. – С. С.) то поднимались до полного проникновения, то падали почти до вражды» [10, с. 698]. Известное стихотворение Блока «Вячеславу Иванову» отображает этот процесс: Блок восхищается художественным гением Иванова и пишет:

Был миг – неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!

Но впоследствии произошло творческое расхождение, и Блок замечает, что «не видит друга» в Иванове – так, как прежде. Высоко оценивая поэтический дар Иванова, Блок пишет: «Да, царь самодержавный – ты». Стихотворение заканчивается так:

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
на царский поезд твой смотрю [11, с. 141–142].
18 апреля 1912 г.

В том же 1912 г. Иванов, как было сказано, написал стихотворный цикл «Нежная тайна», посвятив его Блоку. Иванов пишет:

Ты повернул к родимым вьюгам
Гиперборейских лебедей!

Они влекут тебя в лазури,
Звончатым отданы браздам,
Чрез мрак – туда, где молкнут бури,
К недвижным ледяным звездам [3, с. 10].

В 1905 г. Блок публикует статью «Творчество Вячеслава Иванова», анализируя несколько его произведений: статью «Поэт и чернь», сборники стихов «Кормчие звезды» и «Прозрачность».

Указывая на нарочитую сложность ивановского стиля, Блок сравнивает его тексты с александрийской поэзией, несущей в себе мотивы упадка. «Чистые филологи» забыли «свое родовое имя» [12, с. 8]; это была эстетика смерти, их герой «бросается с крутизны в море, залитое кровью всемирного утреннего солнца» [12, с. 8].

К этому художественному преданию близок, по мнению Блока, Вячеслав Иванов: «Как бы сознавая свое исключительное положение очень сложного поэта, Вяч. Иванов стал теоретиком символизма» [12, с. 7]. Конечно, это ирония. Анализируя текст статьи «Поэт и чернь», Блок излагает ее содержание, на наш взгляд, саркастически: поэт – проклятый толпою раскольник – живет «укрепительным подвигом *умного деланья*. Без подвига – раскол бездушен. В нем – великий соблазн современности: бегущий от смерти сам умирает в пути, и вот мы видим призрак бегства; в действительности – это только труп в застывшей позе бегуна» [12, с. 9].

И далее: «Современный художник-бродяга, ушедший из дома тех, кто казался своими, еще не

приставший к истинно своим, – приютился в пещере» (имеется в виду «символ пещеры» Платона) [12, с. 10].

Несмотря на то, что Блок пишет с иронией, он в то же время отмечает, что текст Иванова «не напрашивается на пародию. <...> Поэт, вооруженный тонкой техникой, широкой образованностью, и вместе – глубоко новый художник – останавливает на себе пристальное и любовное внимание» [12, с. 11].

Так писал об Иванове Блок в 1905 г.

В 1910 г. в № 8 журнала «Аполлон» выходит статья Блока «О современном состоянии русского символизма». Это печатный вариант доклада Блока в «обществе ревнителей художественного слова», прочитанный им по просьбе Вячеслава Иванова 8 апреля 1910 г. как ответ на доклад Иванова от 26 марта 1910 г. «Заветы символизма».

Так начинается полемика внутри русского символизма, приведшая его к гибели.

Блок солидарен с Ивановым в основных положениях «Заветов символизма», в качестве метода он выбирает «язык иллюстраций» [13, с. 426]. Текст Иванова сложен, поэтому Блок видит свою задачу в том, чтобы «раскрасить свои иллюстрации к его тексту; ибо я принадлежу к числу тех, кому известно, какая реальность скрывается за его словами, на первый взгляд отвлеченными...» [13, с. 426].

Во-первых, Блок формулирует тезу: «Ты свободен в этом волшебном и полном соответствий мире» [13, с. 426]. Вольное творчество по принципу бодлеровских «Соответствий» в мире волшебства и тайны, делает поэта «теургом» [13, с. 427], стремящимся обладать всеми сокровищами мира. Теург приносит свою жизнь на алтарь искусства, и здесь наступает конец «тезы» [13, с. 428].

Блок пишет: «Предусмотрено все, кроме одного: мертвой точки тождества. Это самый сложный момент перехода от тезы к антитезе. <...> В лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит мертвая кукла» [13, с. 428–429]. И слова Иванова: «Мир прекрасен, мир волшебен и ты свободен» (доклад «Заветы символизма») напоминают «восторженное рыдание» [13, с. 429]. Люди превращаются в куклы, начинается «Балаган». «Жизнь стала искусством» [13, с. 430], и перед поэтом возникает «красавица кукла, синий призрак, земное чудо» [13, с. 430].

Блок замечает, что, обзревая сейчас свое искусство, он не знает, что делать. И в этом состоянии растерянности возникает осознание того, что искусство – не келейно, ибо связано с жизнью, с общественным делом, с церковью, «с народом и интеллигенцией» [13, с. 431]. Блок пишет: «...“теза” и “антитеза” имеют далеко не одно лич-

ное значение. <...> Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России» [13, с. 431].

Поэт называет искусство «чудовищным и блистательным Адом» [13, с. 434]. Это область, из которой исходит художник в своем творчестве и в которой может погибнуть. Чтобы этого не произошло, необходим подвиг, духовное ученичество, «самоуглубление», «духовная диета», – пишет Блок [13, с. 434]. Но об этом же писал и Вячеслав Иванов (правда, он не воспринимал творческую келью как «блистательный Ад»). Кризис, который разразится после публикации этих двух докладов – Иванова и Блока, заденет всех символистов: Брюсова, А. Белого, С. Городецкого, Д. Мережковского. Но пока кризис только начинается...

Для того, чтобы проследить личные, интимные мысли Блока об Иванове, обратимся к записным книжкам молодого поэта [14].

Так, 1 августа 1907 г. он пишет: «Мое несогласие с Вяч. Ивановым (варварство)...

Мое согласие с Андреем Белым». И далее: «Мое несогласие с Вяч. Ивановым в терминологии и *пафосе* (особенно – последнее). Его термины меня могут оскорблять. *Миф, соборность, варварство*. Почему не сказать проще? Ведь, по существу, в этом ничего нового нет» [14, с. 96].

В этом месте Блок касается полемики, развернувшейся вокруг идей «мистического анархизма» и «соборности», высказанных Г. Чулковым и Ивановым. Очевидно, что для Блока чужды и содержание, и форма этих идей («почему не сказать проще») – над чем он неоднократно иронизировал.

20 августа 1907 г. Блок пишет: «Вячеслав Иванов... глубоко образован и писатель замечательный (статьи его в “Весах” и стихи). Он употребил много труда на то, чтобы теперь доказывать ненужность труда... Неприятен мне его душный эротизм и противноватая легкость» [14, с. 97].

28 сентября 1908 г. Блок замечает: «Вячеслав Иванов в “Весах” (№ 8) – вот это истинный “тон”, можно послушать» (речь идет о цикле ивановских статей «Спорады») [14, с. 115].

Создается впечатление, что отношение Блока к Иванову раскачивается, как на весах.

11 июня 1909 г. в «Записных книжках» Блок раскрывает свою, может быть, тайную мысль: «Я хотел бы иметь своими учителями Мережковских, Валерия Брюсова, Вяч. Иванова, Станиславского. Хотел бы много и тихо думать, тихо жить, видеть немного людей, работать и учиться. Неужели это невыполнимо? Только бы *всякая* политика осталась в стороне» [14, с. 145–146]. Конечно, Блок видел символическое искусство «чистым», свободным от внешних факторов общественной жизни, от творческих противоречий внутри «школы».

Здесь может показаться, что он близок к Брюсову, с его лозунгом «искусство для искусства». Но это только кажется, потому что Блок признает теургийную сущность творчества (вслед за Ивановым), а не его амбивалентность (как у Брюсова).

26 марта 1910 г. во время доклада Иванова Блок внес в записную книжку ряд заметок, которые проливают свет на идейные отношения между Ивановым и Блоком. Он разбивает историю символизма на три периода (вслед за Ивановым).

Первый период: «Мир волшебен – противоположность позитивизму и утилитаризму. Ты свободен – божественность, все позволено, дерзай. Есть correspondences во всем».

Второй период: «Мир – хаос, – можешь ли ты принять его? <...> Перед сознанием символистов встало непримиримое нет. Все поссорились – как и следовало быть» [14, с. 167–168].

Где выход?

«Обращение к канону. Это – третий период символизма». Канон, требование поэта по отношению к себе, должен быть и внешним («всеобщие законы искусства»), и внутренним – в душе творца. Блок записывает мысль Иванова: «Старый символизм – окончился. Мы переходим в синтетический период символизма» [14, с. 168].

По ходу записи доклада Иванова у Блока, как мы видим, не возникает ни раздражения, ни неприятия, ни иронии. Казалось бы, он со всем согласен. Идеи «синтетического символизма», «*большого стиля*», «практического слова», в принципе, приемлемы для Блока [14, с. 169]. Сомнение вызывает самое главное: Блок задает Иванову вопрос: «...будет ли *искусством* то желаемое (истинная теургия, миф)?» [14, с. 169].

Обозревая собранный материал, можно сказать, что символисты к 1910 г. стали отдаляться друг от друга: у каждого своя новая идея: у Мережковского – монархизм, у Брюсова – «искусство для искусства», у Иванова – теургия, у Блока – тихое свободное творчество. К сожалению, впоследствии символисты воедино собраться не смогли.

Подобные мотивы звучат в переписке Блока и Белого. 6 августа 1907 г. Блок пишет Белому: «Вячеслава Иванова ценю как писателя образованного и глубокого, и как прекрасного поэта, мировоззрение же его (“мифотворчество”) воспринимаю как лирику» [15, с. 308].

17 августа 1907 г. в письме к Белому Блок называет Иванова человеком «глубоких ума и души... Мы оба лирики, оба любим колебания друг друга, так как за этими колебаниями стоят и сторожат наши лирические души. Сторожат они совершенно разное, потому, когда дело переходит на почву более твердую, мы расходимся с Вяч. Ивановым. К пунктам расхождения очень важным принадле-

жит, например, Л. Андреев, или мистический анархизм» [15, с. 326].

К 1908 г. относятся очень теплые и нежные замечания Блока об Иванове. Например, 25 марта 1908 г. Блок пишет Белому об Иванове: «...я как-то опять его почувствовал и полюбил» [15, с. 360].

1 апреля 1908 г. Блок пишет матери об Иванове: «Он совсем уж перестает быть человеком, и начинает походить на ангела, до такой степени все понимает и сияет большой внутренней и светлой силой» [15, с. 361].

Эпистолярное наследие свидетельствует, так же, как и авторские тексты, что в 1912 г. Блок переживает опасный внутренний перелом, который все углубляется.

Когда Белый спросил Иванова о Блоке, Иванов ему сказал, что «Блок пробегает обычную полосу мрачности (полосы эти порой на него нападали); он де затворился от всех, никого не пускает к себе; его видеть – нельзя» [15, с. 439].

Далее идут признания Блока относительно Иванова: «Я сейчас не владею собой, мог бы видеть Тебя (Белого. – С. С.) только совсем отдельно и особенно без Вячеслава Иванова, которого я люблю, но от которого далек. <...> Я *один*, измучен, и особенно боюсь *трио* (с Вячеславом Ивановым). Впрочем, я много боюсь, я – *один*. <...> Атмосфера Вячеслава Иванова сейчас для меня невыносима» (письмо Белому от 25 января 1912 г.) [15, с. 439].

Закончить сбор эпистолярного наследия по вопросу «Иванов – Блок» хотелось бы цитатой из письма Блока – Белому от 16 апреля 1912 г. – она все проясняет:

«Первый № (журнала «Труды и дни». – С. С.) – номер Вячеслава Иванова; над печальными людьми, над печальной Россией он с приятностью громыхнул жестяным листом, – только так я слышу это режущее мне ухо восклицание о катарсисе. <...> Вячеслав Иванов, грозно нападая на кого-то, потрясает манифестом о символической школе, – и горе тому, кто не с ней» [15, с. 449].

Налицо желание Блока избавиться от «деспотизма» Иванова в области символистского творчества, обрести душевную свободу. В этом же письме к Белому Блок замечает: «Не досадуй на мое “анти-Вяч. Ивановство”, для меня его атмосфера тяжела *ненужно*...» [15, с. 450].

А ведь это был только 1912 г.

З. Г. Минц в статье «Блок и русский символизм» пишет, что привязанность Блока к символизму была не сильнее, чем отторжение от него [16, с. 98]. Автор статьи разделяет три периода в русском символизме. Первый этап – 1890-е гг. Время становления «заветов» символизма. Блок в то время только начинал заниматься творчеством и был еще несложившимся поэтом.

«Вторая волна» символизма – 1900–1907 гг. – период экспансии символизма в русской культуре. Эстетизировалось все – сквозь призму символа рассматривалась и элитарная, и народная культура. Минц пишет: «1900–1907 гг. – период расцвета символизма, его вершинных достижений» [16, с. 110]. Он обновляет, освежает культурную жизнь, внося в нее архаические элементы.

Последний, третий период (1908 – нач. 1910-х гг.) – период распада и гибели символизма. Это выразилось в «автоэпигонстве» одних поэтов (Бальмонт, Брюсов, Ф. Сологуб), отходе от принципов символического искусства (Белый, Блок), в пост-символизме (Иванов, Мережковский).

Минц делает вывод: «С середины 1910-х годов о символизме в целом можно было говорить только в прошедшем времени. Лишь при таком ограничении его можно воспринимать как яркую и оригинальную страницу в истории русской (да и мировой) культуры, говорить о его традициях и роли» [16, с. 111].

Итак, в последний период существования символизма (1909–1911 гг.) Блок противопоставляет мещанству в жизни и в искусстве – красоту, гармонию, лад культурного творчества. Весь мир эстетизирован. Он воспринял и развивает ницшеанскую идею «духа музыки», пронизывающей все мироздание. Отношение к символизму как художественной школе – позитивное, но ненадолго.

Постепенно, в связи с известными политическими событиями, символисты отдаляются друг от друга, и в 1918 г. Иванов рвет отношения с Блоком. Несмотря на то, что они оба остро и идейно близко осознают кризис культуры, высказываются и пишут о нем, личные контакты ослабевают. По-моему, Иванов писал, что Христос в поэме Блока «Двенадцать» «впереди» – не в том смысле, что он марширует первым во главе военных, а в том смысле, что он стоит как цель, как идея, далеко перед ними, в то время как они к нему стремятся.

В плане анализа отношений Иванова и Блока интересна статья Е. В. Ермиловой «“Заточник вольный”. (Символы “свободы” и “нищеты” у Вячеслава Иванова и Блока)» [17].

Автор статьи обращает внимание на то, что причина расхождения Блока и Иванова – не концептуальная, не идейная – в этом как раз они были близки. Дело в том, что для Блока был неприемлем «пафос» Иванова, та страсть, то возбуждение, с каким он преподносил свои мысли. Блок же, наоборот, «мáлился пред Богом», вплоть до самоотрицания.

Блок «привыкал» к Иванову постепенно: «Над Вяч. Ивановым у меня большой вопросительный знак (как над человеком действия и воли)», – писал он в мае 1905 г. И в декабре того же года: «А мне

трудно еще с Вяч. Ивановым) (цит. по: [18, с. 86]). Но через год он заметил: «С Вячеславом очень сблизился, много мы поняли друг в друге» [там же].

Анализируя тему «Блок на Башне», А. Б. Шишкин пишет: «Взаимное сближение и увлечение произошло на протяжении 1906 года, в том числе, как можно думать, на “исторических” “средах” на Башне» [18, с. 86]. Там Блок впервые (в конце апреля 1906 г.) прочел свою «Незнакомку», что оказалось знаменательным событием для символистов. «“Незнакомка”, благодаря богатству и силе символического содержания, сразу заняла центральное место как в мифе Башни, так и в башенном мифе о Блоке» [18, с. 87].

В творчестве Блока Иванов выделял стихотворение «Незнакомка» и драму «Роза и крест». Последняя встреча Иванова и Блока весной 1920 г. была теплой и эмоциональной. Блок читал свои стихи, Иванов попросил «Незнакомку». Блок прочел, и больше не читал ничего. Потом они долго беседовали в стороне, обнялись и расстались навсегда (Описание О. Дешарт. – См.: [18, с. 97]).

А. Пайман видит влияние К. Г. Юнга на Вячеслава Иванова в том, что Юнг назвал «коллективным бессознательным» [19, кн. 1, с. 164]. Она пишет, что именно из этой идеи возникла философско-поэтическая концепция Иванова, предполагающая возвращение к старым богам. Но эта интеллектуальная параллель кажется сомнительной. Скорее, здесь влияние Ф. Ницше.

Пайман довольно подробно описывает 1905–1906 гг. жизни Блока, его общение и сотворчество с Ивановым. «Блок присутствовал на первой “среде” у Иванова... Эта встреча, талантливо организованная женой поэта Лидией Дмитриевной, была задумана по образцу платоновского пира...» [19, кн. 1, с. 185]. И далее: «Здесь, на “Башне”... “декаденты” окончательно сбросили с себя пренебрежительный ярлык и стали думать и говорить о себе как о “символистах”» [там же]. В этой среде творчество Блока имело громадный успех.

Между тем в 1907 г. Блок несколько отдаляется от основных идей символизма, о чем пишет в письме к Белому, заявляя: «Мое письмо в редакцию (“Весов”. – С. С.) будет иметь для меня значение развязывания рук и окончательного разрыва с теми тенденциями, которые желают поставить на *первый план* мою *зыблемость* (мистический анархизм и, значит, – адогматизм, иррационализм и т. д.), между тем как я *сам* ставлю на первый план – мою *незыблемую* душу...» [19, кн. 1, с. 239].

И действительно, открытое письмо с таким содержанием было опубликовано в «Весках». Блок замечает: «...высоко ценя творчества Вячеслава Иванова и Сергея Городецкого... я никогда не имел и

не имею ничего общего с “мистическим анархизмом”, о чем свидетельствуют мои стихи и проза» (цит. по: [19, кн. 1, с. 240]).

То же настроение было у Блока 8 апреля 1910 г., когда он выступал с публичным докладом о символизме. Он говорил: «Мой вывод таков: путь к подвигу, которого требует наше служение, есть – прежде всего – ученичество, самоуглубление... и духовная диета. Должно учиться вновь у мира и у того младенца, который живет еще в сожженной душе». Далее Пайман пишет: «Когда поэт замолк, Вячеслав Иванов встал и, взяв его за руку, притянул к себе и поцеловал долго и торжественно в губы» [19, кн. 2, с. 76]. Сам Блок был собой очень недоволен – видимо, модальностью долженствования. Он не хотел принадлежать ни к каким группировкам, ни сидеть с кем-либо, даже очень уважаемым, в одной творческой «клетке», он просто хотел писать стихи. И декадентство, и религиозный символизм были чужды ему в высшей степени.

В 1912 г. Блок писал, что «ему с Вячеславом Ивановым уже не по пути» [19, кн. 2, с. 116]. Они обменялись стихотворениями, полными взаимной признательности (о чем мы писали выше), и отдалились друг от друга.

В плане изучения творческих отношений между Ивановым и Блоком важна статья А. Пайман «У водоразделов мысли: кризис или крушение? (тема “гуманизма” у Вяч. Иванова, А. Блока, о. Павла Флоренского)» [20].

Остановимся на некоторых основных идеях статьи. Согласно Пайман, все трое выносят приговор гуманизму в текстах 1916–1922 гг. Иванов пишет о «смерти» гуманизма [20, с. 124]. Блок видит, что гуманизм сменился новыми культурными процессами. Блок сомневался в популярности гуманизма как течения в культуре начиная с эпохи Возрождения. Он утверждал, что «один из основных признаков гуманизма – “индивидуализм”, поскольку главное для него – свободная человеческая личность» [20, с. 126]. Народ в этом процессе участвовать не мог. В настоящее время не существует культурного единства – оно распалось на отдельные ареалы. По этому же поводу писал Иванов: «Человечество линяет, как змея, сбрасывая старую шкуру, и потому болеет» [3, с. 369–370].

В таких условиях можно говорить о кризисе и даже крушении гуманизма, следовательно, о крушении символизма, в том числе русского символизма к XIX – н. XX вв.

Список литературы

1. Сычева С. Г. Г. Гегель и В. И. Иванов: высшая цель искусства // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 5 (120). С. 236–241.
2. Мелик-Гайказян И. В. Измерение мечты по правилу Льюиса Кэрролла // Там же. 2011. Вып. 10 (112). С. 202–208.
3. Иванов В. И. Собрание сочинений в 6 т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. Т. III. 896 с.
4. Иванов В. И. Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме // Весы. 1904. № 11. С. 49–50.
5. Грякалова Н. Ю. Примечания // Александр Блок: Pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 2004. С. 610–721.
6. Блок А. А. Стихи о Прекрасной Даме // Блок А. А. Собр. соч. М.–Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. Т. 1. С. 74–238.
7. Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писат., 1974. 350 с.
8. Иванов В. И. Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме // Александр Блок: Pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 2004. С. 21–22.
9. Иванов В. И. Литературная хроника. Александр Блок. Ночные часы // Там же. С. 187–188.
10. Дешарт О. Парерга и Паралипомена // Иванов В. И. Собр. соч.: в 6 т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. Т. III. С. 694–865.
11. Блок А. А. Вячеславу Иванову // Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.–Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. Т. 3. С. 141–142.
12. Блок А. А. Творчество Вячеслава Иванова // Там же. 1962. Т. 5. С. 7–18.
13. Блок А. А. О современном состоянии русского символизма // Там же. С. 425–436.
14. Блок А. А. Записные книжки (1901–1920). М.: Худож. лит., 1965. 664 с.
15. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919 гг. М.: Прогресс–Плеяда, 2001. 608 с.
16. Минц З. Г. Блок и русский символизм // Александр Блок. Новые материалы и исследования: в 4 кн. Кн. I. М.: Наука, 1980. С. 98–172.
17. Ермилова Е. В. «Заточник вольный» (Символы «свободы» и «нищеты» у Вячеслава Иванова и Блока) // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 232–246.
18. Шишкин А. Б. Блок на Башне // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филол. ф-тет СПбГУ, 2006. С. 85–99.
19. Пайман А. Ангел и камень. Жизнь Александра Блока. Кн. 1–2. М.: Наука, 2005.
20. Пайман А. У водоразделов мысли: кризис или крушение? (тема «гуманизма» у Вяч. Иванова, А. Блока, о. Павла Флоренского) // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. I. С. 122–132.

Сычева С. Г., доктор философских наук, профессор.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: svetsych@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.04.2013.

S. G. Sycheva

V. I. IVANOV AND A. A. BLOK: AESTHETIC INTERSECTIONS AND PARALLELS

The development of creative relations between V. Ivanov and A. Blok is investigated. It is shown, that in the beginning of friendship the two poets were delighted with each other, but at the end of history of symbolic school there was no harmony in their relations. The main point of the polemics was the essence of symbolism. Ivanov wrote that symbolism had to be religious art; Blok thought that art might be free of any political or religious idea.

Key words: *creativity, art, V. Ivanov, A. Blok, russian symbolism, russian aesthetics of the beginning of 20th century.*

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: svetsych@mail.ru